

так и остаются нереализованными. Поэтому законодательство должно регулировать принципиально общие моменты социального обеспечения и трудовых отношений (с. 190).

Таким образом, социальная политика государства у лорда Хью становится чем-то сродни общественной благотворительности: ее задача — помочь слабым, и в основе ее лежит скорее моральный долг человека перед человеком, нежели иные соображения. В целом признавая необходимость социального законодательства, лорд Хью призывает ограничить его определенными рамками, потому что чрезмерно расширенная социальная практика государства может привести к обеспечению интересов одних слоев общества за счет других или даже за счет общества в целом или может оказаться вовсе неэффективной.

Лорд Хью Сесил был одним из ярких консервативных теоретиков начала XX в., сформулировавших основы консервативного подхода к социальной государственной политике. Этих принципов британские консерваторы в основном придерживались на протяжении всего XX в., они стали своеобразным противовесом лейбористской концепции активного социального реформаторства и отправной точкой для реформ британского неоконсерватизма.

---

¹ *Cecil H. Conservatism*. L., 1912. P. 17–21. Далее в тексте при ссылке на этот источник в скобках указываются страницы.

Т. В. Краева

Христианство и большевизм в интеллектуальных исканиях Пьера Паскаля

На современном этапе развития исторической науки понятие «интеллектуальная история» трактуется достаточно широко. Так, ведущий специалист в данной области Л. П. Репина утверждает, что «предмет интеллектуальной истории в современ-

ном ее понимании включает в себя не только историю достижений человеческого интеллекта, т. е. результатов интеллектуальной, творческой деятельности, но и историю самой этой деятельности в ее процессуальной незавершенности, и культурную среду, задающую ей свои условия и предпосылки, и биографии самих творцов, и их межличностные связи, и историю распространения и восприятия новых идей и знаний»¹. Подобная трактовка предполагает разнообразие методологических подходов при рассмотрении различных сюжетов в рамках данного направления. Кроме того, встает вопрос о разграничении сфер интеллектуальной истории и других областей исторического знания, а также стержневых составляющих данного направления (например, класс, страт — в социальной истории, государство, политическая партия, реформа и революция — в политической истории и др.), которые собрали бы воедино различные фрагменты интеллектуальной истории. На наш взгляд, интеллектуальная история не только представляет особую отрасль исторического знания, но и выступает в качестве методологического подхода к изучению различных вопросов политической, социальной, экономической, культурной истории.

В статье сделана попытка на конкретном материале рассмотреть, каким образом выявление интеллектуальных исканий французского левого интеллектуала Пьера Паскаля объясняет его политический выбор в пользу большевизма. Поскольку в основе анализа — история интеллектуала, то следует выделять ключевые моменты: интеллектуальная биография, процесс создания творческого продукта (интеллектуальные искания), конечный результат интеллектуальных усилий и их влияние на практические шаги французского интеллектуала.

Следует также отметить, что творческий процесс интеллектуала определяется не только мыслительными конструкциями — идеями, но и системой его представлений, в частности восприятиями, ощущениями, ментальными установками. По мнению историка школы «Анналов» Алена Корбэна, «система представлений не только определяет систему оценок, она предопределяет особенности мировоззрения, отношение к обществу и к самому себе... Именно она в конечном счете направляет

практические действия»². Поскольку система представлений определяет практические шаги, следовательно, метод интеллектуальной истории позволит выявить взаимосвязь интеллектуального (теоретического) и практического начал. Задача в нашем случае — с помощью исследования интеллектуальных исканий П. Паскаля выявить причину политического выбора французского интеллектуала.

Революция 1917 г. в России привлекла внимание и вызвала восхищение многих интеллектуалов Европы, особенно это относится к французским левым интеллектуалам, в системе представлений которых отразилось их восприятие себя наследниками героического прошлого, свободолюбия, продолжателями борьбы за свободу, традиции Великой французской революции. Идея построения общества на справедливых началах завораживала умы величайших людей того времени, давала основу для размышления, поиска принципов и механизмов его построения. Между тем значительная часть французских левых интеллектуалов, в том числе и Пьер Паскаль, попадали под справедливую характеристику французского историка Ф. Фюре — «верующие и разочарованные»³. Исследуя отношение французских левых интеллектуалов к коммунизму, Д. Кот отмечает, что «интеллектуалы-«идеалисты» были за цели коммунизма, но не за его практику (большевиков)... они восприняли антикапиталистическую критику и веру в то, что освобождаясь, пролетариат освободит и человечество»⁴.

Идея мессианской роли России в деле освобождения человечества является одной из важнейших составляющих мировоззрения Пьера Паскаля. Сама личность французского интеллектуала представляет собой парадокс «христианского большевика». Французский журналист, корреспондент газеты «Тан» в России Людовик Нодо отмечал, что Паскаль — «большевик в силу русомании»⁵. Виктор Серж, французский левый интеллектуал, также принимавший активное участие в построении социалистического государства, характеризовал его следующим образом: «Паскаль очень любил русский народ, его историю, его поверья, его революцию»; «Глубоко верующий католик, он оправдывал «Суммой» святого Фомы свой переход в большевизм и даже

одобрения террора»⁶. В предисловии к «Русскому дневнику» П. Паскаля его ученик Ж. Лалуа пишет: «Он, несомненно, славянофил. А кто из нас не таков? Россия — безбрежный океан земель, бушующий как море. Одни подавляют эмоции критикой, другие их сублимируют. Но ощущают все одно и то же»⁷. Согласно характеристике Ф. Фюре, «Пьер Паскаль являет собой странный феномен — французский славянофил. Он любит Россию как страну, сохранившую дух соборности, то есть христианства»⁸.

Чтобы понять систему миропонимания Паскаля и его внимание к России, следует обратиться к его биографии до 1917 г. П. Паскаль родился во Франции в 1890 г. Еще в юности он стал интересоваться Россией, учить русский язык. Накануне Первой мировой войны он закончил Эколь Нормаль. В 1910 и 1911 гг., еще будучи студентом-филологом, Пьер Паскаль совершил свои первые путешествия в Россию. «Верующий католик, он прочел В. Соловьева, который убедил его в необходимости “объединения” церквей; он влюбился в Киев и стал жадно изучать русскую религиозную жизнь. В Санкт-Петербурге он работает над дипломом на тему “Жозеф де Местр и Россия”»⁹. В России Паскаль находится под покровительством Санкт-Петербургского Французского института, общается с Андре Мазоном, Андре Лиронделлем. Изучение русской духовности и русского общества приводит его к мысли о том, что Россия спаслась от буржуазного индивидуализма и господства денег благодаря православной церкви, особому духу русского крестьянства. В этом он видит коренное отличие России от Франции того времени; вместо обмана, скрывающегося под маской прав человека и парламентского строя, он предпочитает царское самодержавие или католическую монархию. «Студент Эколь Нормаль, истово верующий, неконформист и антипатриот, он возмущается свирепствующей во Франции “мерзостью — воспитанием ненависти между народами”. Русский царизм кажется ему прекрасным по сравнению с этой демократичной и парламентской “мерзостью”»¹⁰. С началом Первой мировой войны лейтенант Пьер Паскаль едет на фронт, но после двух ранений в 1916 г. он, благодаря своему знанию русского языка,

был отправлен в Россию в составе французской военной миссии. Главная задача миссии состояла в том, чтобы удержать Россию в войне, однако сразу же после приезда Паскаль осознает ненужность этой войны русскому народу. Находившийся по поручению миссии на Северном фронте для пропаганды наступления, он записал 19 мая 1917 г. в своем дневнике: «У русского народа есть острое чувство трагического характера этой войны, которой он не хочет, которая абсурдна, которой не должно хотеть человечество, но из которой оно не может выпутаться»¹¹. Большевики привлекли Паскаля не только своей антивоенной направленностью, но еще и потому, что он верил в силу русского народа, который, следуя за большевиками, прекратит несправедливость и страдания на земле.

Большевизм Паскаля — это не политический выбор марксиста, но выбор христианина. В России он видел страну, христианскую в высшем смысле, избранницу истории, в своем дневнике в мае 1918 г. он пишет: «Тот, кто приедет сюда с западными предубеждениями, впадет в оцепенение. Россия есть истина завтрашнего дня»¹². В декабре 1917 г. Паскаль таким образом характеризует свое понимание событий в России: «Петроград сегодня представляет собой небывалую сцену. На ней разыгрывается дуэль двух обществ: нынешнего и завтрашнего. Понять друг друга они не могут, они расположены в разных плоскостях. Они не знают общей почвы, потому что помимо себя они не признают ничего. Можно было бы найти общую почву, ибо есть нечто высшее — Церковь, но ни те, ни другие не желают ее признавать»¹³. Осенью 1918 г. Пьер Паскаль уделяет много времени религиозно-философским беседам, посещает различные христианские собрания. Он приходит к выводу о том, что большевизм направлен против христианства лишь потому, что еще недостаточно проявилась его природа. Теоретический большевизм, за которым следует русский народ, — предвестник будущего, того времени, когда установится общество христианских ценностей. По словам Ф. Фюре, «из всех дорог, ведущих к ленинизму, Паскаль выбрал ту, на которую указывали слова Писания: придет день, и последние станут первыми. Октябрь для него не имеет отношения к законам

истории — это торжество униженных, день великого раздела, когда русским народом движет десница Божия. Социализм — это справедливое, но кущее учение, ибо он не знает — еще не знает, — что на самом деле он есть орудие христианского духа в земных делах»¹⁴.

В 1918 г., вопреки приказу миссии возвратиться, П. Паскаль остается в России и в августе вместе с некоторыми другими французами образует французскую коммунистическую группу в Москве, а затем становится секретарем наркома Чичерина в Народном комиссариате иностранных дел. Размышляя о своей позиции, Паскаль пишет 5 сентября 1918 г.: «Я разделяю социалистическое учение, оно прекрасно и истинно до тех пор, пока не отрицает христианства. Я христианин, не отрицающий социализма. Неправильно осуждать социализм, ибо еще не вполне известно, что это такое»¹⁵.

Обстановка в обществе, интеллектуальный климат эпохи заставляют Паскаля размышлять о том, как быть ему в условиях враждебности социализма и христианства: «Как поступать? Христианство истинно. Социализм справедлив... Церковь против социализма исторически... Но мне-то как поступить? Я чувствую пустоту, пропасть. Пожертвовать собой, разом и ни за что, чтобы не быть ни понятым, ни принятым?»¹⁶ Действительно, христианский большевизм Паскаля вызывал подозрение в среде большевистского руководства. В 1919 г. ему пришлось предстать перед партийным судом за приверженность к двойной вере — марксистской и христианской. В заявлении в ЦК РКП (декабрь 1919 г.), объясняющем его позицию, Паскаль излагает свою философскую концепцию. Прежде всего, он делает акцент на том, что его католические и социалистические убеждения возникли не в связи с поверхностной аналогией этих учений, но вследствие приобретенного опыта и длительных размышлений. Паскаль заявляет: «Я считаю коммунизм и католицизм, такие какие они есть, не только совместимыми, но необходимыми друг другу и взаимодополняющими»¹⁷. Более того, французский интеллектуал считает этап враждебности между коммунизмом и католицизмом исторически обусловленным и необходимым для развития и того и другого. По мне-

нию Паскаля, непонимание между католицизмом и коммунизмом доказывает, что большинство католиков игнорируют и извращают самые элементарные принципы католицизма. Автор подчеркивает, что «в самой “Сумме” св. Фомы легко обнаружить выводы о роли частной собственности, совпадающие с марксистской доктриной. Католические мыслители адекватно понимали и осуждали капитализм с момента его возникновения... Правительство создано народами и для них: если оно стало скорее вредным, чем полезным, оно должно быть опрокинуто даже силой, через революцию. Со стороны государства смертная казнь и война есть средства в некоторых случаях необходимые. Со стороны индивидуума позитивная и энергичная деятельность превышает инертного смирения. Таково современное подлинное учение католицизма»¹⁸. Французский интеллектуал подчеркивает, что католицизм — живой, саморазвивающийся организм и в связи с тем, что католическая церковь пребывает в состоянии постоянной эволюции, ее приверженцы не обязаны придерживаться ее нынешнего официального учения. Они вольны предвидеть и предворять прогресс учения в соответствии с социальным прогрессом.

Критической точкой, обозначившей разрыв интеллектуальных исканий Паскаля и реальности советской действительности, стал 1921 г. — время жестокого подавления кронштадтского мятежа, введения НЭПа. Пленение революции партией Ленина не доказывает, согласно его точке зрения, невозможность построения справедливого общества, надежды на строительство которого он по-прежнему связывает с русским народом. «Если революция, изначально провозглашавшаяся для русского народа и во имя него, предана, то, по мнению Паскаля, ее возрождение нужно искать в народной глубине. Он отходит от политики и обращается к истории России XVII века, чистой и ясной, достойной подражания»¹⁹. Последние годы его пребывания в России ясно свидетельствуют о том, что Паскаль старается сохранять нейтральную позицию в ходе внутривластной борьбы (1925—1927), политическая жизнь в стране напоминает ему тот же самый парламентский обман, который он наблюдал во Франции. В это время он ограничивает свою деятельность переводом работ

Ленина на французский язык в Институте Маркса-Энгельса, изучением русского старообрядчества XVII в. В 1933 г. Паскаль возвращается во Францию, где вскоре защищает две докторские диссертации и занимает кафедру славистики в Сорбонне. В последующие годы ученый издает свои многочисленные работы по истории, литературе, истории религии, переводы.

Таким образом, исследование творческого наследия П. Паскаля позволяет сделать вывод, что именно интеллектуальные искания «христианского большевика» определили его «попутничество». Подход к проблеме с точки зрения интеллектуальной истории вскрывает глубину мыслительных конструкций французского интеллектуала, которые определили выбор католика-француза в пользу коммунизма в его большевистском варианте. Особый путь Паскаля прекрасно характеризует Ф. Фюре: «Интеллектуальное и политическое приключение французского лейтенанта — это один из первых примеров того, как большевизм подчинял себе умы, пришедшие из совершенно иных сфер и захваченных, в полном смысле этого слова, потоком истории»²⁰.

¹ Ретина Л. П. От истории идей к интеллектуальной истории: (Аналитический обзор) // XX век. Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и реф.: В 2 ч. М., 2001. Ч. 2. С. 103.

² Цит по.: *j histoire aujourd'hui*. P., 1999. P. 45–46.

³ Фюре Ф. *Прошлое одной иллюзии*. М., 1998. С. 121.

⁴ *Caute D. Le communisme et les intellectuels français 1914–1966*. P., 1967. P. 20.

⁵ *Naudeau L. En prison sous la terreur russe*. P., 1920. P. 171.

⁶ *Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера*. Москва; Оренбург, 2001. С. 175–176.

⁷ *Laloy J. Preface // Pascal P. Mon journal de Russie: A la mission militaire française 1916–1918*. Lausanne, 1975. P. 10.

⁸ Фюре Ф. Указ. соч. С. 128.

⁹ Там же.

¹⁰ *Нива Ж. Пьер Паскаль, или «Русская религия» // Новый круг*. 1992. № 1. С. 75.

¹¹ *Pascal P. Mon journal de Russie*. P. 127.

¹² *Ibid.* P. 281.

¹³ *Ibid.* P. 247.

¹⁴ Фюре Ф. Указ. соч. С. 129–130.

¹⁵ *Pascal P.* Mon journal de Russie. P. 322.

¹⁶ *Ibid.* P. 339.

¹⁷ *Ibid.* P. 46.

¹⁸ *Ibid.* P. 46–47.

¹⁹ *Данилова О. С., Слуцкая Л. В.* Виктор Серж и Пьер Паскаль: попутчики большевизма // Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 29–30 сент. 2001 г. М., 2003. С. 96.

²⁰ *Фюре Ф.* Указ. соч. С. 132.

М. О. Гузикова

Интеллектуалы и власть в Веймарской республике: поиск методологических подходов

Понимание интеллектуальной истории как истории идей и их носителей достаточно традиционно. История идей, ориентированная на изучение элит, в значительной степени доминировала в европейской историографии до 1968 г.¹ В эпоху после «культурологического поворота» интеллектуальная история более не ограничивается изучением интеллектуалов, хотя особенности и определение когнитивной функции в том или ином обществе, институциональная позиция, социальная роль, а также идеи тех, кто занят специализированной интеллектуальной деятельностью, до сих пор являются объектом ее пристального внимания. Но изменения, связанные с такими многогранными и неоднозначными явлениями, как постмодерн, постструктурализм и деконструкция, требуют переосмысления постановки данной проблемы и поиска новых методологических подходов к ее решению.

Представляется, что задача интеллектуальной истории ничуть не отличается от задачи истории, исследующей то или иное событие («*histoire evenementielle*» — Ф. Бродель), а именно: исследуя текст, понятие или направление мысли, стремиться к реконструкции контекста, внутри которого тот или иной интеллектуальный феномен приобретает значение в качестве челове-